

## КУЛЬТУРА И СОЦИУМ

DOI: 10.31857/S086919080019206-3

МОБИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПЯТИДЕСЯТНИЧЕСТВА  
В СОВРЕМЕННОЙ АФРИКЕ<sup>1</sup>

© 2022

И.А. ЗАХАРОВ<sup>a</sup>, Н.С. УЛАНОВА<sup>b</sup><sup>a, b</sup> – Институт Африки Российской академии наук, Москва, Россия<sup>a</sup> – ORCID ID: 0000-0003-3838-169X; vanszax@yandex.ru<sup>b</sup> – ORCID: 0000-0001-9624-4541; natalya.ulanova@inafr.ru

**Резюме:** В статье предпринимается попытка оценить мобилизационный потенциал одного из самых быстрорастущих и крупных течений христианства Африки и мира – пятидесятиничества. Результаты анализа догматической специфики, специфики культовой и внекультовой деятельности, пространственного развития, а также интеграции пятидесятинических церквей в общественно-политическую жизнь стран Африки свидетельствуют о высоком мобилизационном потенциале африканского пятидесятиничества, использование которого имеет особенности и ограничения. Они определяются его дуалистичностью, обусловленной внутренней неоднородностью и спецификой разных волн пятидесятиничества. Установлен полимасштабный характер мобилизационного потенциала пятидесятиничества. Так, мобилизация населения может охватывать как отдельные населенные пункты, так и целые государства. Она может преследовать как глобальные цели, так и личные интересы отдельных лидеров. Влияние пятидесятиничества может распространяться на целые этносы и иногда нации, другие христианские течения и даже ислам. Пятидесятиничество интенсивно внедряется в политическую жизнь Африки с конца XX в. Пятидесятники проникают в правительственные структуры, в том числе путем создания собственных политических партий, молодежных и благотворительных организаций, НГО. В последнее время наблюдается некоторая радикализация пятидесятиничества, что характерно для поликонфессиональных стран, например, для Нигерии. Несмотря на возрастающую вовлеченность пятидесятиничества в общественно-политическую жизнь стран Африки, на данный момент оно носит локальный характер. Это может быть связано с крайне интенсивной конкуренцией внутри геопространства пятидесятиничества, что в целом типично для стремительно растущих религий. В дальнейшем, когда территориальная экспансия пятидесятиничества замедлится, можно ожидать его унификацию и ускорение его интеграции в общественно-политическую жизнь Африки. Такая тенденция уже начинает проявляться в виде «зонтичных структур» и «союзов», формирующихся вокруг крупных классических пятидесятинических церквей и мезацерквей в странах континента, где сосредоточены крупнейшие пятидесятинические общины – Нигерии, Кении, ЮАР, Гане, ДРК и др.

**Ключевые слова:** Африка, афрохристианство, конфликты, мобилизационный потенциал, политизация религии, пятидесятиничество, религиозная конкуренция.

**Для цитирования:** Захаров И.А., Уланова Н.А. Мобилизационный потенциал пятидесятиничества в современной Африке. *Восток (Oriens)*. 2022. № 2. С. 165–176. DOI: 10.31857/S086919080019206-3

<sup>1</sup> Статья подготовлена по материалам исследований по теме ГЗ Института Африки РАН № 0192-2019-0021.

MOBILIZATION POTENTIAL OF PENTECOSTALISM IN MODERN AFRICA<sup>2</sup>

© 2022

Ivan A. ZAKHAROV <sup>a</sup>, Natalia S. ULANOVA <sup>b</sup><sup>a, b</sup> – Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia<sup>a</sup> – ORCID: 0000-0003-3838-169X; vanszax@yandex.ru<sup>b</sup> – ORCID: 0000-0001-9624-4541; natalya.ulanova@inafr.ru

**Abstract:** *The article aims to examine the mobilizational potential of Pentecostalism – one of the fastest growing and the largest branches of Christianity in Africa. The obtained results indicate a high mobilization potential of African Pentecostalism, yet it has some features and limitations. Its exploitation is connected with a duality that lies in the internal heterogeneity, the doctrinal peculiarities of the waves of Pentecostalism. This defines multiscale nature of the mobilizational potential of Pentecostalism. It can cover both certain settlements and entire states and pursue both global goals and the personal interests of individual leaders. The influence of Pentecostalism can spread to ethnic groups and nations, other Christian denominations and even Islam. By creating political parties, NGOs, youth and charitable organizations Pentecostals penetrate into political life of Africa. Additionally, there are evidences of radicalization of Pentecostalism, which occurs in multiconfessional countries such as Nigeria. Despite the growing involvement of Pentecostalism in the social and political life of African countries, at the moment it is quite localized. This may be due to the extremely intense competition between Pentecostal Churches. In the future, when the territorial expansion of Pentecostalism slows down, we can expect the unification and acceleration of such churches and their integration into the social and political life of Africa as a single force. This trend can already be traced in “umbrella structures” and “alliances” forming around large classical Pentecostal churches and megachurches in countries of the continent with large Pentecostal communities – Nigeria, Kenya, South Africa, Ghana, DR Congo, etc.*

**Keywords:** *Africa, afro-christianity, conflicts, mobilization potential, politicization of religion, Pentecostalism, religious competition.*

**For citation:** Zakharov I.A., Ulanova N.S. Mobilization Potential of Pentecostalism in Modern Africa. *Vostok (Oriens)*. 2022. No. 2. Pp. 165–176. DOI: 10.31857/S086919080019206-3

## ВВЕДЕНИЕ И ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Современные государства Африки отличаются активным участием религиозных и квазирелигиозных акторов в их внутренней и внешней политике, а также общественной жизни. Во многом это определяется тем, что данный макрорегион имеет исключительное значение для крупнейших мировых религий – христианства и ислама, распространение которых привело к масштабной трансформации конфессионального пространства континента, произошедшей в рекордно сжатые сроки [Захаров и др., 2020(2)]. Тема конкуренции этих религий за демографический и экономический потенциал «континента надежды» получила широкое распространение, особенно в исследованиях, выполненных в цивилизационном ключе, например: [Huntington, 2000; Следзевский, Хайруллин, 2021 и др.]. В них особое внимание уделяется взаимодействию ислама и христианства, при этом часто

<sup>2</sup> The article compiled on the basis of research materials on the topics of the State assignment of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences No. 0192-2019-0021

постулируется, что этот процесс сопровождается возникновением крупных конфликтов, которые сосредоточены в контактной зоне этих религий [Васильев, Потапов, 2002, с. 48].

Тем не менее в этом контексте чаще всего не учитываются особенности внутрирелигиозной конкуренции, т.е. между направлениями одной религии, которая может быть не менее конфликтной [Захаров и др., 2020(1)]. Вместе с этим усиление внутрирелигиозной конкуренции сопровождается расширением геопространства религии в целом, что в итоге может стать катализатором межрелигиозных конфликтов [Горохов, 2020]. Таким образом, возникает *проблема оценки мобилизационного потенциала отдельных религиозных течений*, под которым мы понимаем способность религиозных лидеров вовлекать своих последователей во внекультовую деятельность, направленную на достижение социально-экономических и политических целей и расширение влияния этой религиозной общины в разных сферах общественной жизни. При этом, механизмы достижения этих целей могут реализоваться радикальными методами, в т. ч. путем культивирования негативного восприятия правительства или других религиозных общин и даже призыва к преступным действиям, насилию. Наиболее известными примерами реализации такой стратегии выступают радикальные террористические группировки, например, «Бoko Харам», «Господня армия сопротивления», «Аль-Каида в странах исламского Магриба» и многие др. К сожалению, исследователи оставляют практически без внимания механизмы достижения религиозными организациями тех же целей законным путем. Кроме этого, обращает на себя внимание недостаток работ, посвященных теме радикализации немусульманских общин, которые могут иметь даже больший мобилизационный потенциал.

Об актуальности данной темы говорит и высокая религиозность населения Африки. В отличие от современной Европы она не имеет абстрактно-духовной мотивации, здесь религия буквально проникает во все сферы жизни общества. Согласно опросам, проведенным Pew Forum, подавляющее большинство африканцев выступает в поддержку введения законов шариата или использование Библии в качестве законодательной базы. При этом канонические тексты и мусульмане, и христиане Африки склонны понимать в буквальном смысле. Вместе с этим опрошенные имеют высокие эсхатологические ожидания – почти 2/3 из них верят, что Второе Пришествие Иисуса Христа или воссоздание Всемирного Халифата произойдет при их жизни [Tolerance..., 2010]. Все это объясняет популярность теократических идеалов и принципов организации общества, а также политизацию религии и ее вовлеченность во внекультовую деятельность [Falola, 1998].

В настоящей статье оценка мобилизационного потенциала проводится на примере одного из наиболее быстрорастущих течений христианства в Африке – пятидесятничества, которое претендует на роль ключевого политического актора и драйвера общественно-культурной жизни макрорегиона. При этом идеи пятидесятничества в разных формах проникают в жизнь людей, придерживающихся и других конфессий, а также атеистов и агностиков [Anderson, 2018]. В отдельных странах расширение влияния пятидесятничества приводит к возникновению конфликтов, в том числе носящих насильственный характер, между пятидесятниками и другими конфессиями или государственными структурами [Obadare, 2018].

## МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Цель настоящей статьи заключается в определении масштабов мобилизационного потенциала пятидесятничества в современной Африке как одного из самых активных и быстрорастущих направлений христианства в макрорегионе. Для достижения поставленной цели представляется необходимым, во-первых, обозначить важнейшие черты и

особенности современного африканского пятидесятничества, во-вторых, определить закономерности в территориальной организации пятидесятнических общин и оценить степень их вовлеченности в общественно-политическую жизнь, в-третьих, оценить проблемы и перспективы реализации мобилизационного потенциала африканского пятидесятничества.

В качестве теоретической базы для изучения особенностей пятидесятнического движения в Африке использовались работы таких крупных исследователей пятидесятничества и афрохристианства, как А. Андерсона [Anderson, 2018], О. Калу [Kalu, 2008; Kalu 2010], Р. Лиардона [Liardon, 2006], М. Линдхардта [Pentecostalism..., 2014], П. Гиффорда [Gifford, 1990 и др.], Н. Варибоко [Wariboko, 2018], Р.Н. Лункина [Лункин, 2018], С.А. Горохова [Горохов, 2020] и др.

Статистическая информация о религиозной принадлежности населения стран Африки взята из базы данных The Association of Religious Data Archives [Brown, James, 2020], отчетов социологических исследований Pew Research Center [Spirit..., 2006; Tolerance..., 2010] и сайта Теологической семинарии Гордона – Конвелла [Gordon...]. Для оценки уровня вовлеченности пятидесятничества в общественно-политическую жизнь использовались отчет Pew Research Center “Spirit and Power” [Spirit..., 2006], данные The Armed Conflict Location and Event Data Project [Africa...], в которой предоставлена информация об основных параметрах и акторах «событий», носящих конфликтный характер, а также новостные источники.

## РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

### *Общие черты пятидесятнического движения*

Пятидесятничество – одно из самых молодых и внутренне неоднородных направлений протестантизма, которое сформировалось под влиянием баптизма и методизма в США конца 19 в. и трансформировалось в международное движение после Пробуждения на Азуса-стрит (Лос-Анджелес, США) 1906 г. Пятидесятничество, как правило, ассоциируется с евангельским движением, ознаменовавшим третью волну христианского «обновления» («ревайвела»), которое впоследствии охватило более старые направления этой религии по всему миру [Liardon, 2006].

Становление данного движения произошло вокруг идеи об исключительном значении «Святого Духа», чье присутствие проявляется через его «духовные дары», ассоциирующиеся с Ветхим Заветом, которые верующие получают после «рождения свыше». Среди них центральное место занимает «дар языков» – глоссолалия и ксеноглоссия, обычно воспринимаемые как опыт общения «Святого Духа» через говорящего, «дар исцеления», позволяющий убежденному верующему обрести физическое и психологическое здоровье, пророческие способности и т.д. В пятидесятничестве распространены высокие эсхатологические ожидания и премиллениаризм, что объясняет интенсивность миссионерской деятельности пятидесятнических церквей [Pentecostalism..., 2014].

Хотя пятидесятнические деноминации имеют определенное сходство, они отличаются крайне высоким разнообразием – это движение объединяет несколько десятков тысяч церквей по всему миру. Вслед за одним из крупнейших исследователей пятидесятничества А. Андерсоном, в настоящей статье «пятидесятничество» мы трактуем в широком смысле, имея в виду «возрожденцев» в целом, объединяющих приверженцев классических пятидесятнических церквей (возникших примерно в 1900–1960), последователей харизматического (1960–80-е) и неохаризматического движения (1980-е–н.в.)<sup>3</sup>, а также независимые африканские церкви (нео)харизматического типа [Anderson, 2018; Wariboko, 2017].

<sup>3</sup> В силу того, что более поздние течения оказывают существенное влияние на более ранние пятидесятнические церкви, специфика «разных поколений» пятидесятничества специально в работе не рассматривается и требует отдельного исследования.

### ***Место Африки в глобальном геопространстве пятидесятничества***

Общая численность пятидесятников в мире с учетом харизматов и неохаризматов в 2020 г. оценивается в 635 млн чел. (584,1 млн. в 2011). Из них 86% сосредоточены в странах Глобального Юга, в первую очередь в государствах Африки и Латинской Америки [Todd]. Если говорить только о классических пятидесятниках, то их число составляет примерно треть от всех «обновленцев» – 204,1 млн. чел. в 2015 г., из них почти половина проживает в Африке [Brown, James, 2020]. Оговоримся, что приведенная здесь конфессиональная статистика в силу специфики пятидесятнического движения, имеет ряд ограничений и используется для отражения примерной картины размещения его последователей.

Статистические данные свидетельствуют о том, что Африка имеет исключительно важное значение для глобального пятидесятничества. В настоящее время по численности своих последователей оно уступает лишь католицизму и является крупнейшим протестантским течением в макрорегионе. Суммарная численность «обновленцев» в Африке по некоторым оценкам превышает 200 млн чел. (2020) [Todd], из них к классическим пятидесятническим церквям относится 86,1 млн чел. (2015) [Brown, James, 2020].

Для пятидесятничества в Африке характерна высокая территориальная концентрация. Так, наиболее крупные общины пятидесятников сосредоточены в пределах только 5 стран: Нигерии, Кении, ДРК, ЮАР и Гане – на них приходится порядка 70% всех представителей данной конфессии в макрорегионе. Согласно исследованию Pew Forum, проведенному в 2006 г., доля «обновленцев» в населении Нигерии составляла 26% (в т.ч. 18% – последователи классических пятидесятнических церквей и 8% – харизматических и неохаризматических), Кении – 56% (33 и 23% соответственно), ЮАР – 34% (10 и 24%) [Spirit..., 2006]. Привязка пятидесятничества к этим странам, судя по всему, сохранится, а лидерство Нигерии вряд ли будет оспорено в ближайшее столетие. Тем не менее активный рост численности его адептов также наблюдается в Зимбабве, Малави, Мозамбике, Танзании, Эфиопии, Замбии, Анголе, Уганде, Буркина-Фасо, Кот-д'Ивуаре и других странах континента. В связи с этим можно достаточно уверенно говорить о сохранении тенденции расширения геопространства пятидесятничества, а также существенных изменениях в его территориальной структуре. Территориальная экспансия этой конфессии в Африке является важным индикатором расширения его влияния, о чем речь пойдет далее.

### ***Догматическая основа мобилизационного потенциала африканского пятидесятничества***

Говоря об африканском пятидесятничестве, мы не ставим своей задачей противопоставить его некому «эталонному» пятидесятничеству и выделить его уникальные черты. В данном подразделе скорее предпринимается попытка выделить наиболее значимые для поставленной проблемы характеристики данного течения христианства, которые могут как совпадать, так и отличаться от тенденций в других регионах мира.

Важной чертой африканского пятидесятничества является его дуалистичность, которая имеет целый ряд проявлений. Так, несмотря на универсалистский характер пятидесятнического движения, исторически объединяющий сегрегированные слои общества, африканское пятидесятничество все чаще характеризуют как этническое и расовое течение. Оно стало важным атрибутом для противопоставления его последователей сначала колониальным структурам, а затем другим этносам, нациям, расам и даже цивилизациям. В риторике и модели поведения пятидесятников распространяется тема богоизбранности – большую популярность в Африке, особенно среди нигерийских пятидесятников, получает вера в миссию евангелизации мира до Второго Пришествия, которому должно предшествовать

достижение национального экономического и технологического превосходства [Wariboko, 2018].

Еще одним проявлением универсализма этого течения является свободная конкуренция между церквями, что определяет сетевой характер взаимодействия пятидесятнических церквей и формальным отсутствием административно-территориальной иерархии. При этом Африка стала домом для многих «мегацерквей», а также африканских независимых церквей, возглавляемых отдельными лидерами, наделенными, по мнению их последователей, исключительными дарами «Святого Духа». В силу своего влияния такие лидеры не только создают достаточно жесткую внутреннюю иерархию, но и могут закреплять за собой определенные территории, ограничивая конкуренцию с другими религиями. Это может происходить не только путем заключения договоренностей со структурами власти [Spirit...; Cobbinah, Korah, 2015, p. 104], но и путем расширения присутствия в визуальном пространстве и манифестации своих ценностей.

Существующие стратегии «брендинга» отдельных лидеров и церквей путем продвижения в СМИ, некоторые из которых находятся в их управлении, а также социальных сетях, специализированных интернет-порталах, наружной рекламе, печатной продукции и др. Наиболее активными в этом отношении являются неохаризматические церкви, которые используют инструменты маркетинга особенно эффективно [Benyah, 2018]. В настоящее время именно «реклама» стала решающим фактором, определяющим скорость роста пятидесятнических общины, а созданные ими «бренды» становятся широко известны и, несомненно, оказывают влияние на деятельность приверженцев других конфессий. Как отмечает О. Калу, часто возникает ситуация, когда более «глубокие» по своему духовному наполнению церкви, ставящие последнее выше «бренда», существенно уступают в темпах роста церквям, придерживающимся противоположных мотивов [Kalu, 2010].

Еще одной ключевой чертой африканского пятидесятничества является широкое распространение идей холизма, которое в сознании верующих проявляется в единстве духовного и материального мира [Kailing, 1994]. Любое явление материального мира интерпретируется ими как действие или реакция «Святого Духа». Такая установка определяет господство идей фидеизма, согласно которым иррациональная вера ставится выше разума, поэтому среди убежденных пятидесятников распространены высокие ожидания проявления сверхъестественного. Это объясняет популярность практик массовых исцелений, чудес, пророчеств, а также широкое распространение доктрины процветания (*prosperity gospel*). Согласно этой доктрине, богатство<sup>4</sup> и благополучие понимается как дар «Святого Духа», который может обрести любой «рожденный свыше». Доктрина процветания закономерно оказалась крайне привлекательной как среди бедного, так и среди обеспеченного населения государств Африки. Одним из триггеров для роста ее популярности стала реализация программы «структурной адаптации» 90-х гг. XX в., инициированной мировым сообществом, когда государства континента столкнулись с усилением экономического кризиса [Maytargue].

Несмотря на то, что доктрина процветания имела позитивный социально-экономические эффекты, известно много случаев, когда надежды на финансовое благополучие становятся предметом эксплуатации и манипуляции со стороны проповедников, некоторые из которых фигурируют в перечне богатейших людей Африки [Ijaola, 2018]. Вызывает опасение, что популяризация и трансформация этого аспекта вероучения в личных интересах отдельных людей и организаций может способствовать развитию системы

<sup>4</sup> Речь идет о понятных для единоверцев способах обогащения, например, путем увеличения поголовья скота, урожая сада или огорода, развития бизнеса и т.п., в то время как человек, тем более приверженец другой религии, сделавший состояние на нетрадиционных источниках дохода, например, получение дивидендов от вложенных на бирже средств, может быть осужден и даже физически наказан.

эксплуатации незащищенных в финансовом отношении слоев населения [Захаров, 2019]. К сожалению, в случае раскрытия жульнических схем такие организации могут провести «ребрендинг» и достаточно быстро возобновить свою работу под новым названием. Ситуация ухудшается тем, что среди африканского населения высок запрос на преодоление бедности, однако с позиций фидеизма доктрина процветания требует прежде всего веры, а не реальных действий.

Высокие ожидания проявления сверхъестественного выражаются в пятидесятничестве еще и в таких архаичных формах, как охота на ведьм, экзорцизм и т.п. Интересно, что пятидесятники сочетают такие практики с резким осуждением этнических религий и иногда других конфессиональных групп. Считается, что демоны и ведьмы постоянно манипулируют людьми и единственный путь одержать над ними победу лежит через молитву и веру в Христа. При этом неверующие или адепты других религий, особенно этнических, по мнению пятидесятников, обречены в этом столкновении на провал. Пасторы указывают на множество признаков «порчи» или «одержимости демонами», среди них: безработица, бесплодие, зависимость от алкоголя, наркотиков, никотина, а также гнев, раздражительность, сварливость и др. Ответственность за неудачи паствы, как правило, возлагаются на ведьм, это клеймо гипотетически может быть поставлено на любом человеке, обычно на женщинах или людях с особенностями развития. Такие обвинения «благословляются» пастырем, который предлагает необходимый, по его мнению, ритуал экзорцизма и т.п. Он может принимать различные формы: от безобидной молитвы до психологического давления, травли и даже исключительно жестоких избиений, пыток, сожжения заживо и т.д. [Tweneboah, 2015].

Таким образом, наложение ключевых идей пятидесятничества на африканский культурно-цивилизационный контекст проявилось, с одной стороны, в его дуалистичности, с другой стороны, к гипертрофии отдельных религиозных проявлений, отвечающих общественному запросу паствы. По нашему мнению, именно это составляет важнейшую сущностную черту африканского пятидесятничества и, возможно, афрохристианства в целом, которая не может быть объяснена исключительно с позиций материалистического подхода. Описанные в этом подразделе основные догматические черты африканского пятидесятничества, а точнее их практическое воплощение, выступают в качестве основы мобилизационного потенциала этой конфессии.

### *Политизация африканского пятидесятничества*

Придавая большое значение духовному миру, пятидесятнические церкви Африки до последней четверти XX в. практически не принимали участия в политике. Рассматривая активное распространение своей веры как важнейшую часть религиозного пути, пятидесятники изначально определяли проповедь и миссионерство основным способом социального и политического участия в общественной жизни. Ситуация существенно изменилась в 1980–90-х гг. [Sperber, Hern, 2018], когда удельный вес пятидесятников достиг «критической массы». На начальном этапе значительная часть из них занимала прагматическую, а иногда конформистскую позицию, поддерживая действующих, но далеко не всегда правоверных лидеров государств, в которых они функционировали. Это выделяло их на фоне католицизма и многих протестантских течений, которые в это время открыто осуждали политику неэффективных и диктаторских режимов, выступая за демократизацию правительств. Такая поляризация позиций особенно четко проявилась на рубеже тысячелетий, когда пятидесятнические церкви привлекались непопулярными лидерами, например, Робертом Мугабе (Зимбабве), Джерри Ролингсом (Гана), Даниелом арап Мои (Кения) и др., для моральной и религиозной легитимации их власти и преодоления кризиса доверия [*Spirit...*, 2006].

В настоящее время пятидесятнические церкви придерживаются более активной позиции. Распространенное ранее представление о том, что государственная власть с ее коррумпированной партийной и выборной системой может быть изменена только через религиозные преобразования общества, постепенно сменилось осознанием некоторыми лидерами пятидесятнических церквей необходимости активного участия в традиционной политике. Как и в других регионах мира, пятидесятнические церкви Африки делают упор на их приверженность патриотизму и национальным интересам страны, демократии, а также на необходимости формирования активной гражданской позиции у своих последователей [Лункин, 2018]. Благодаря наличию скоординированной организационной структуры, пятидесятники имеют возможность продвигать своих единомышленников в государственные органы управления в тех странах, где они имеют высокий демографический вес и влияние. Такая деятельность мотивирована убеждением, что наделенные властью пятидесятники будут использовать предоставленную им власть для распространения соответствующих религиозных ценностей [Bompani, Valois, 2017]. Однако, как отмечают исследователи, в последнее время образ успешного управленца в Африке и других регионах мира все чаще ассоциируется с определенным типом пятидесятнического лидера, выступающего не слугой своей пастве, а доминирующим властителем, имеющим право требовать беспрекословного подчинения [Ukah, 2018].

Из анализа статистической информации о вовлеченности пятидесятнических церквей в политическую борьбу в одном из ее наиболее заметных проявлений – протестной деятельности, к сожалению, нельзя сделать вывод об их фактическом удельном весе в такого рода событиях в сравнении с другими конфессиями или организациями, не аффилированными с религией. Тем не менее из имеющихся данных видно, что пятидесятники проявляют высокую активность по этому направлению. С одной стороны, они разделяют общественные настроения, например, они выступают против насилия со стороны террористических исламистских группировок, например, против «Боко Харам», а также борются против коррупции и за завершение инфраструктурных проектов. С другой стороны, пятидесятники придают большое значение защите традиционных семейных ценностей, которую они видят в резком осуждении аборт, гомосексуализма и т.д. Примером их реальных действий может быть марш протеста до парламента ЮАР против легализации абортов, организованный членами Africa Christian Action совместно с другими пятидесятническими церквями. С третьей стороны, протестная деятельность пятидесятников призвана защитить их культурную инфраструктуру, например, от передачи другому собственнику или сноса церкви. Иллюстрацией последнего является, например, шествие сотен прихожан «Небесной Церкви Христа» (Celestial Church of Christ) в Ибадане, которые под предводительством Онала Париша (Onala Parish) штурмовали Верховный суд штата Ойо с требованием выдвинуть судебный иск против губернатора штата за снос их церкви. В Судане ученики и сотрудники Евангелистской школы в г. Омдурман держали двухнедельный сидячий протест против передачи школы инвесторам из конкурирующей христианской общины.

Вместе с этим было обнаружено достаточно много случаев, когда в событиях, имеющих конфликтный характер, жертвами становились лидеры и прихожане пятидесятнических церквей. Например, на фоне затяжного конфликта в Бурунди зафиксированы нападения на пятидесятнические миссии и церкви, похищение пятидесятнических пасторов и аресты пятидесятников за «сговор» и «организацию восстания». В Кении несколько десятков прихожан пятидесятнической церкви были сожжены заживо и расстреляны во время беспорядков после выборов 2007 г. В ДРК армия открыла огонь по мирной пятидесятнической демонстрации в Киншасе, требующей освободить других членов их церкви. Этот перечень можно продолжать довольно долго. Объединяет эти случаи то, что агрессия по отношению

к пятидесятникам была спровоцирована прежде всего их активной гражданской позицией, а также борьбой за демократические ценности [*Africa...*].

Таким образом, из существующих сценариев вовлеченности пятидесятников в общественно-политическую жизнь: 1) слияние пятидесятнической системы управления с существующими правящими структурами; 2) конфронтация пятидесятнических церквей, критикующих властные структуры во имя социальной справедливости, и государства; 3) отдаление пятидесятнических лидеров от власти и общественной жизни [Wariboko, 2018] наиболее вероятным кажется второй сценарий. Об этом говорит политическая трансформация пятидесятнических церквей, в результате которой они, как правило, стали активными и самостоятельными социальными и политическими акторами. Это касается, в первую очередь, стран, где они имеют значительную общественную поддержку, особенно в Нигерии, Кении, ЮАР, Гане, ДРК, Зимбабве и других странах.

В данном контексте особое значение имеет тот факт, что в этих и других странах, где пятидесятники составляют значительную часть населения, методы евангелизации этих церквей также претерпевают изменения. Традиционно они придерживались принципов терпимости и любви к ближнему, а методы распространения своей веры носили мирный характер. Среди них чаще всего использовались групповые и частные молитвенные акции (например, *Pray for Nigeria*), призывы к «праведности» через СМИ и т.п. Однако, в настоящее время в Африке происходит изменение риторики пятидесятничества, в которой пасторы все чаще демонизируют конкурирующие религии, в первую очередь ислам и этнорелигии, и государственные структуры, тем самым провоцируя своих последователей на конфликтное поведение. Более того, некоторые из них призывают к конфронтации с представителями этих религий и представителями власти, допуская возможность вооруженного столкновения. Последнее особенно характерно для поликонфессиональных регионов и населенных пунктов, в которых радикализация мусульманских и пятидесятнических общин происходит в ходе политической и социально-экономической борьбы за ресурсы и влияние [Colette 2013; Wariboko, 2018].

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ВЫВОДЫ

Пятидесятничество – одно из самых крупных и быстрорастущих направлений христианства в Африке, чье геопространство претерпело масштабное расширение во второй половине XX – начале XXI вв. Сегодня наиболее крупные общины пятидесятников сосредоточены в Нигерии, Кении, ЮАР, Гане, ДРК и других странах. Вместе с увеличением демографического веса пятидесятники стали активными акторами общественно-политической жизни в отдельных государствах континента, что стало особенно заметно в конце XX в.

Полученные результаты свидетельствуют о высоком мобилизационном потенциале африканского пятидесятничества, использование которого имеет некоторые особенности и ограничения. Они определяются его дуалистичностью, которая обусловлена его внутренней неоднородностью, доктринальной спецификой волн пятидесятничества, а также условиями их распространения. Теоретически мобилизационный потенциал может быть использован полимасштабно. Так, мобилизация населения может охватывать как отдельные населенные пункты и их районы, так и целые государства и регионы мира. Она может преследовать как глобальные цели, например, подготовка мира ко Второму пришествию путем активного служения и миссионерской деятельности, так и личные интересы отдельных религиозных лидеров или церквей. При этом, благодаря использованию инструментов маркетинга, влияние пятидесятничества не ограничивается небольшой группой единоверцев, а может распространяться на целые этносы и даже нации, другие христианские течения и даже

ислам. Кроме этого, наличие международной коммуникационной сети между пятидесятническими церквями определяет возможность создания информационных поводов, обмена идеями, инструментами культовой и внекультовой деятельности на глобальном уровне.

В результате эта конфессия уже начинает влиять на политические решения в некоторых странах континента [Прокопенко, 2021] и спровоцировала глубокие социальные и социально-экономические трансформации африканских обществ [Захаров и др., 2020(2)]. В последнее время наблюдается некоторая радикализация пятидесятничества, которая характерна для поликонфессиональных регионов и происходит в условиях конфронтации религиозных акторов. В этой связи возникает опасение, что эта тенденция может стать доминирующей в расширении влияния пятидесятничества на общественно-политическую жизнь отдельных стран макрорегиона при провале мирных способов реализации своих целей. Другим инструментом увеличения влияния становится внедрение пятидесятников в правительственные структуры, в том числе путем создания собственных политических партий и движений, как, например, «Nigeria for Nigerians», созданное одним из наиболее влиятельных религиозных и общественных деятелей Нигерии пятидесятником Тюнде Бакаре (Tunde Bakare).

Достижение конкретных политических целей также осуществляется через «дочерние» организации пятидесятнических церквей – молодежные организации, НГО, благотворительные фонды и т.п. [Freeman, 2012]. Это обуславливает проблему «вычленения» роли пятидесятников в общественно-политической жизни, которую мы намерены рассмотреть в дальнейших исследованиях на примере отдельных стран и их регионов.

Несмотря на возрастающее многостороннее влияние пятидесятничества, его вовлеченность в общественно-политическую жизнь стран Африки на данный момент носит локальный характер. Это может быть связано с крайне интенсивной конкуренцией внутри геопространства пятидесятничества, что характерно для геопространств религий, находящихся на стадии расширения<sup>5</sup> [Горохов, 2020], на которой происходит территориальная экспансия и увеличение численности последователей за счет конверсии, т.е. миссионерской деятельности. В этих условиях реальная консолидация пятидесятнических церквей как крупного самостоятельного общественно-политического актора маловероятна. Тем не менее, судя по историческому опыту других религий, в дальнейшем, когда расширение пятидесятничества замедлится и будет осуществляться преимущественно за счет демографического прироста, можно ожидать его унификацию и ускорение его интеграции в общественно-политическую жизнь Африки. Эта тенденция уже начинает проявляться в виде создания «зонтичных структур» и «союзов», формирующихся вокруг крупных классических пятидесятнических церквей и харизматических мегацерквей в отдельных странах континента и их регионах.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Васильев А.М., Потапов А.А. Конфликты в Африке. *Страны Африки*. М.: Институт Африки РАН, 2002. С. 48–59 [Vasil'ev A.M., Potapov A.A. Conflicts in Africa. *African Countries*. Moscow: Institute for African Studies of the RAS, 2002. Pp. 48–59 (in Russian)].

Горохов С.А. *География религий: циклы развития глобального конфессионального пространства*. М.: Юнити-Дана, 2020 [Gorohov S.A. *Geography of Religions: Development Cycles of the Global Religious Landscape*. Moscow: Unity-Dana, 2020 (in Russian)].

Захаров И.А. Роль христианских церквей в геоэкономическом и геополитическом соперничестве европейских держав на африканском континенте: XX–XXI вв. *Учёные записки Института*

<sup>5</sup> Это утверждение справедливо при условии свободной конкуренции, характерной для «рынка» религий.

Африки РАН. 2019. № 4. С. 82–92 [Zakharov I.A. The Role of Christian Churches in Geo-Economical and Geopolitical Rivalry of European Nations in Africa: 20<sup>th</sup>–21<sup>st</sup> Centuries. *Journal of the Institute for African Studies*. 2019. No. 4. Pp. 82–92 (in Russian)].

Захаров И.А., Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Роль религиозного фактора в формировании конфликтных зон в Африке. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле*. 2020(1). № 4. С. 640–653 [Zakharov I.A., Gorokhov S.A., Dmitriev R.V. The Role of the Religious Factor in the Formation of Conflict Zones in Africa. *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences*. 2020(1). No. 4. Pp. 640–653 (in Russian)].

Захаров И.А., Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Трансформация конфессионального пространства Африки в XX – начале XXI века. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. 2020(2). № 3. С. 359–368 [Zakharov I.A., Gorokhov S.A., Dmitriev, R.V. Transformation of African Religious Landscape in the 20<sup>th</sup> and Beginning of the 21<sup>st</sup> Century. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya* (=Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Geography). 2020(2). No. 3. Pp. 359–368 (in Russian)].

Лункин Р.Н. Позиция протестантских церквей во время политического кризиса в Армении. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. 2018. № 6. С. 182–188 [Lunkin R.N. The Position of the Protestant Churches during the Political Crisis in Armenia. *Scientific and Analytical Herald of Institute of Europe Russian Academy of Sciences*. 2018. No. 6. Pp. 182–188 (in Russian)].

Прокопенко Л.Я. Религиозный фактор в политическом процессе Замбии: взаимное влияние религии и политики. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 8. С. 40–47 [Prokopenko L.Ya. Religious Factor in the Political Process in Zambia: Mutual Influence of Religion and Politics. *Asia and Africa Today*. 2021. No. 8. Pp. 40–47 (in Russian)].

Следзевский И.В., Хайруллин Т.Р. Роль христианства и ислама в цивилизационном развитии современной Африки (материалы конференции). *Учёные записки Института Африки РАН*. 2021. № 3. С. 96–119 [Sledzevskii I.V., Khayrullin T.R. The Role of Christianity and Islam in the Civilizational Development of Modern Africa. *Journal of The Institute for African Studies*. 2021. No. 3. Pp. 96–119 (in Russian)].

*Africa Data 1997 – Present (Data Through June 2020)*. *Armed Conflict Location & Event Data Project (ACLED)*. [www.acleddata.com](http://www.acleddata.com) (accessed: 22.08.2021).

Anderson A.H. Pentecostalism in the Sub-Sahara. *Spirit-Filled World: Christianity and Renewal – Interdisciplinary Studies*. Palgrave Macmillan, Cham, 2018. Pp. 23–50.

Benyah F. Church Branding and Self-Packaging: the Mass Media and African Pentecostal Missionary Strategy. *Journal of Religion in Africa*. 2018. No. 3. Pp. 231–254.

Bompani B., Valois C. *Christian Citizens and the Moral Regeneration of the African State*. Routledge, 2017.

Brown D., James P. *Religious Characteristics of States Dataset Project - Demographics v. 2.0 (RCS-Dem 2.0), regions only*. 2020

Cobbinah P., Korah I. Religion gnaws urban planning: the geography of places of worship in Kumasi, Ghana. *International Journal of Urban Sustainable Development*. 2015. No. 2. Pp. 93–109.

Colette H. Violence in a Religiously Divided City: Kaduna, Nigeria – From the Shari'a Riots of 2000 to the Post-election Clashes of 2011. *Space and Polity*. 2013. No. 17. Pp. 284–299.

Falola T. *Violence in Nigeria: The Crisis of Religious Politics and Secular Ideologies*. New York: University of Rochester Press, 1998.

Freeman D. *Pentecostalism and Development*. Palgrave Macmillan, 2012.

Gifford P. Prosperity: A New and Foreign Elements in African Christianity. *Religion*. 1990. No. 4. Pp. 373–388.

*Gordon Conwell Theological Seminary*. <https://inlnk.ru/qdZ22> (accessed: 23.08.2021).

Huntington S.P. The Clash of Civilizations? *Culture and Politics*. New York: Palgrave Macmillan, 2000.

Ijaola S.O. Pentecostalism, the Prosperity Gospel, and Poverty in Africa. *Pentecostalism and Politics in Africa. African Histories and Modernities*. Palgrave Macmillan, Cham, 2018.

- Kailing J.B. A new solution to the African Christian problem. *Missiology: an International Review*. 1994. No. 4. Pp. 489–506.
- Kalu O. *African Pentecostalism: an Introduction*. New York: Oxford Press, 2008.
- Kalu O.U. The Big Man of the Big God: Popular Culture, Media and African Pentecostal Missionary Strategy. *Christian Missions in Africa: Success, Ferment and Trauma*. Vol. 2. African World Press, 2010. Pp. 373–395.
- Liardon R. *The Azusa Street Revival: When the Fire Fell*. Shippensburg: Destiny Image, 2006.
- Mayrargue C. *The Paradoxes of Pentecostalism in Sub-Saharan Africa*. [https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/mayrargue\\_the\\_paradoxes\\_of\\_pentecostalism.pdf](https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/mayrargue_the_paradoxes_of_pentecostalism.pdf) (accessed: 28.09.2021).
- Obadare E. *Pentecostal Republic: Religion and the Struggle for State Power in Nigeria*. London: Zed Books, 2018.
- Lindhardt L.M. *Pentecostalism in Africa: presence and impact of pneumatic Christianity in postcolonial societies*. Boston: Brill, 2014.
- Sperber E., Hern E. Pentecostal Identity and Citizen Engagement in Sub-Saharan Africa: New Evidence from Zambia. *Politics and Religion*. No. 4. 2018. Pp. 830–862.
- Spirit and Power: a 10-Country Survey of Pentecostals*. *The Pew Forum on Religion and Public Life*. 2006. <https://www.pewforum.org/2006/10/05/spirit-and-power/> (accessed: 23.07.2021).
- Todd M.J. *Pentecostal/Charismatic Christianity*. <https://inlnk.ru/qdZ22> (accessed: 23.09.2021).
- Tolerance and Tension: Islam and Christianity in Sub-Saharan Africa*. *The Pew Forum on Religion and Public Life*. 2010. 324 p.
- Tweneboah S. Pentecostalism, Witchdemonic Accusations, and Symbolic Violence in Ghana. *Pneuma*. 2015. No. 3. Pp. 375–393.
- Ukah A. Neither Jew nor Greek? Class, Ethnicity, and Race in the Pentecostal Movement in Africa Politics. *Pentecostalism and Politics in Africa. African Histories and Modernities*. Palgrave Macmillan; Cham, 2018.
- Wariboko N. African Pentecostal Political Philosophy: New Directions in the Study of Pentecostalism and Politics. *Pentecostalism and Politics in Africa. African Histories and Modernities*. Palgrave Macmillan; Cham, 2018.

#### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЗАХАРОВ Иван Андреевич – кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Ivan A. ZAKHAROV, PhD (Geography), Senior Researcher, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

УЛАНОВА Наталья Сергеевна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Natalia S. ULANOVA, PhD (Psychology), Senior Researcher, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.